

Есть такая партия?

2017-02-15

8 мин. на чтение

Стоит нам только окинуть взглядом латвийскую ленту новостей на любом из интернет-порталов, как в глаза сразу же бросится что-нибудь из остросоциальной сферы. То опять расходы на медицинские и образовательные услуги урежут, то налоги возьмут, да повысят. И тут же рядом непременно нарисуеться очередная новость из жизни латвийских политических воротил – под ними у нас, в первую очередь, подразумеваются националы и «Единство». Не забывают на большинстве порталов и правящую в Риге партию «Согласие» и её первое лицо – мэра столицы Нила Ушакова. Словом, политика и экономика всегда неразрывно соседствуют. Но, переходя от того поверхностного взгляда, каким окидывает новостные порталы простой обыватель, к тому взгляду, которым смотрит на них марксист, на ум сразу приходит незыблемое положение о том, что ничего в подобных сложных материях не бывает беспартийным, а любая партия всегда обслуживает те или иные социальные тенденции и течения.

Во избежание поспешных и ложных выводов о чьих-то целенаправленных кознях в адрес упомянутых в статье личностей и организаций, нужно сказать, что автор статьи не является членом какой-либо партии. В статье проведён сугубо аналитический разбор существующих партий, и одновременно с этим ставится вопрос – есть ли у рабочего класса своя партия в Латвии?

«Есть такая партия!» – когда-то оппонировал Мартову Ленин по разногласиям вокруг взаимодействия социал-демократов с массами. Можем ли мы повторить слова Ильича, отталкиваясь от сегодняшних жестоких и суровых реалий? Не принимая во внимание мелкие общественные организации, среди ныне действующих партий есть по крайней мере одна, которая, согласно своим программным заявлениям, претендует на теоретическое наследие Ленина. Речь идёт о Социалистической Партии Латвии (СПЛ).

Свою идейную базу партия действительно декларирует как марксистско-ленинскую, однако, критерием истины всегда является практика. На секундочку, марксизм-ленинизм – это ни много, ни мало, а именно – наука, одной из трёх составляющих частей которой является учение о классовой борьбе. Следовательно, в послужном списке данной партии должны числиться действия по защите прав трудового населения в Латвии, нарушения прав которого у нас наблюдаются ежедневно. У самой классовой борьбы много разновидностей, и включают они в себя, в первую очередь, экономическую борьбу пролетариата, то есть, борьбу за экономические требования – зарплаты, социальные гарантии, отпуска, льготы, поправки в Трудовом Законодательстве и требования схожего характера. Выражается эта экономическая борьба в виде забастовок и стачек.

Анализируя деятельность СПЛ, нужно отметить достаточно широкий размах различного рода антифашистских и поминальных акций. Известно, что партия ежегодно устраивает поездки на «Курган Дружбы», находящийся на границе трёх стран – Латвии, России и Белоруссии, и на другие исторические памятные места, отдавая тем самым дань уважения советским солдатам и партизанам. Помимо этого, СПЛ регулярно проводит мероприятия в память о жертвах нацистского террора, тем самым обращая внимание латвийской общественности на проводимую сегодня глорификацию нацистских преступников и намеренное стирание памяти об истинных героях Великой Отечественной войны.

Отдавая должное таким проявлениям политической активности, можно сказать, что такие действия характерны для антифашистской общественной организации. Но может ли партия, делающая основной акцент на памятные антифашистские мероприятия, претендовать на роль авангарда пролетариата?

В своё время, Ленин называл партию РСДРП(б) авангардом пролетариата совершенно заслуженно. Партия большевиков действительно проделала невыносимо тяжёлый, громоздкий и поистине титанический труд. Борьба за рабочий класс, как вечно неугасающее и происходящее непрерывное действие, проходила красной нитью сквозь всю их осознанную деятельность. Предтечей РСДРП являлась организация под названием «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», которая состояла преимущественно из представителей пролетариата. Безусловно, принимая во внимание все структурные видоизменения, которые претерпел господствующий строй с тех времён, невозможно перенести тактику этих организаций прошлого во всей полноте на почву современности по разным причинам. Сюда входит и то обстоятельство, что рабочий класс сегодня атомизирован на профессиональном уровне, отчего рабочие коллективы даже на самых крупных предприятиях в Латвии редко превышают 500-600 человек (обычно они в несколько раз меньше), и то, что современный уровень развития охранных систем (видеонаблюдение) позволяет контролировать поведение рабочих гораздо лучше любого царского жандарма, и, в конце концов, то, что работник находится в сильной зависимости от работодателя.

Диалектически отсюда следует вывод, что Соцпартия либо не хотела, либо попросту не смогла выработать творческое развитие марксизма-ленинизма. По крайней мере, можно было обратить внимание на деятельную составляющую вышеназванного «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», который активно прибегал к так называемому «кружковничеству», внедряясь в рабочую среду и неспешными темпами создавая марксистские кружки из лояльно настроенных рабочих на предприятиях. Изучать этот опыт, оценивать, анализировать и, поняв, насколько он применим в сегодняшних условиях, перерабатывать под наши реалии, партия не стала.

Перейдём к другим векторам борьбы. Невзирая на апатию большинства населения, в Латвии периодически проходят акты примитивной по своему содержанию экономической борьбы. Речь идёт о мероприятиях протестного характера, организуемых отраслевыми профсоюзами. В своё время, Сталин писал, что цель союза капиталистов – это разрушение организаций и союзов рабочих. При всей правоте данного высказывания, сегодня его можно дополнить: это также и специальное возвращение подконтрольных правящему классу организаций рабочих, под специальным менеджерским управлением жёлтыми профбоссами. На нашей латвийской почве и оригинальный тезис, и его продолжение находят своё подтверждение: законодательство о профсоюзах в Латвийской Республике было выработано лишь к концу 90-х годов, когда львиную долю работников успели выкинуть на улицу вместе с целым рядом профсоюзных первичных организаций, а «жёлтые» профсоюзы, то есть – созданные или работодателем, или государством, наоборот, холятся и лелеются. Однако, как Ленин неоднократно подчёркивал в ряде своих трудов, работа даже в «жёлтых» профсоюзах имеет смысл – включая демонстрацию личного примера партийцев в ходе отвоевания для пролетариата заветных экономических прав.

В свете этого, сразу хочется задать вопрос – а есть ли работа СПЛ в профсоюзах? Речь здесь не идёт об инициативах отдельно взятых членов партии, а об общих, собранных в единый кулак усилиях партийцев, которые направились бы проводить работу в этих инстанциях. Безусловно, и здесь обстановка полна шероховатостей. Партийную работу, тем более – от имени

«партии Рубикса», как её принято называть в народе, по разным причинам в профсоюзах вести очень тяжело. Но были ли продуманы попытки внедрения в профсоюзы, хотя бы на экспериментальном уровне? Пожалуй, здесь появляется ответ и на вопрос о том, почему СПЛ обошла стороной изучение и анализ тактики прошлого столетия – «кружковничества». Собственно, не дала она и ответа на вопрос о пригодности данной тактики в настоящее время.

Немногим выше была вскользь упомянута тема стачки. По латвийским законам, всеобщая стачка легального статуса не имеет. В то же время, хотелось бы узнать у депутатов от СПЛ в Сейме – ставили ли они вопрос о пересмотре юридического статуса всеобщей стачки и другие схожие вопросы, касающиеся законодательства о труде? По крайней мере, официальные информационные ресурсы партии в интернете об этом ничего не говорят.

Но поскольку сам автор не является членом какой-либо партии, то утверждать о наличии или отсутствии курса на такого рода внедрение в рабочую среду он не может. Поэтому, судить остаётся лишь по практическим результатам работы. Как бы то ни было, но успешность рабочей партии, по Ленину, выражается, в первую очередь, в стремлении и самоотдаче в деле сближения с массами. Пожалуй, этот принцип следует взять за основной при оценке деятельности не только Соцпартии, но и всех остальных организаций, которые попадут в поле зрения. Следование этому принципу позволяет выяснить, может ли рассматриваемая партия называться партией рабочего класса.

Но не соцпартией единой. Если Социалистическая Партия Латвии, претендующая на статус марксистско-ленинской организации, имеет объективные затруднения в выходе на трудящиеся массы, то надо ли говорить о менее левых партиях? Хотя, для прояснения ситуации, свет будет пролит и на них.

Среди немалой доли населения большой популярностью в Латвии пользуется социал-демократическая партия «Согласие». Как и подобает любой социал-демократической (в современном понимании этого термина) организации, «Согласие» целенаправленно отказывается от положений революционного марксизма, о чём ярко свидетельствуют их программные и уставные документы – а посему, основную свою деятельность ведёт в сугубо реформистском ключе. Как писал много лет назад один автор в кратком разборе левого движения в Латвии про «Согласие» – «Чисто парламентские действия. Все в рамках закона, очень аккуратненько, без провокаций, даже в заявлениях очень корректны и толерантны, но, тем не менее, деятельны».

И следует заметить, что автор этих строк действительно прав. Причём, его мысль по смыслу оказалась даже глубже, нежели, возможно, он сам предполагал: характерной особенностью социал-демократии в Латвии является стремление усидеть сразу на нескольких стульях и нравиться одновременно всем.

В деятельности партии «Согласие» находят себе место и заигрывание с латвийским квасным патриотическим угаром, и игра на советской ностальгии, и яркая приверженность рынку, и стремление играть на социал-демократической бюджетно-льготной популистской демагогии. На практике всё это воплощается в виде повышающихся цен на проезд для подавляющей категории населения при льготных привилегиях для пенсионеров, школьников и инвалидов. Ну и по «мелочи» – немыслимые финансовые махинации со стороны Рижской Думы, «распилы и откаты», информация о которых в открытом доступе практически недоступна, за исключением изысканий разоблачителей-журналистов.

Во многом, социал-демократы – это левые из страны невыученных уроков. Идейная импотентность социал-демократов обнаруживается во всех странах с “постсоветскими” националистическими правительствами. И латвийская действительность подтверждает это положение – стремление играть в стиле «и нашим, и вашим» вполне характерно для играющих в интеграцию в капитализм, сглаживающих его углы и получающих за свои услуги подобающее материальное вознаграждение в виде депутатских кресел и хлебных должностей с соответствующими окладами. Но стоит лишь «запахнуть жареным», как вся идиллия начинает немедленно приближаться к краху. Достаточно привести в пример то, что львиная доля депутатов от «Согласия» голосовала за законы об ужесточении мер в отношении партий и организаций, в отношении которых распространяется подозрение о недостатке лояльности. Надо отметить, что невзирая на всю свою «толерантность» и «аккуратность», они и сами тоже имеют риск попасть под эти категории по целому ряду признаков, включая свои давно замеченные всеми симпатии в отношении «восточного соседа». Если социал-демократы в Латвии пилят ветку под собой, то это означает, что тактика их ещё более провальна, нежели та, что была у немецких социал-демократов Германии времён 30-х.

Объективно, «Согласие» не может быть партией пролетариата в Латвии и по той простой причине, что в условиях нависающей тенденции коричневого переворота, пути социал-демократии являются заведомо ложными и не спасут пролетариат от террористической диктатуры крупной буржуазии. Но даже в нынешнее, условно спокойное и мирное время, «Согласие» в доверенных ему инстанциях активно работает вопреки своим социал-демократическим установкам. Так, по велению Рижской Думы в 2015 году вдвое возросли тарифы на проезд в общественном транспорте (при понижениях для льготных групп населения). Безусловно, в качестве оправдания можно выдвинуть и утекающие в другие города потоки финансов, и деяния предыдущих мэров, и ограниченные возможности (что очень сомнительно) Рижской Думы, но это и говорит о том, что даже при благих намерениях столичной мэрии (что ещё более сомнительно), капиталистическое хозяйство не подлежит демонтажу изнутри. Социал-демократия пытается использовать свою «социально-ориентированную» программу как инструмент по сглаживанию классовых противоречий, но в итоге, наоборот, лишь подогревает и разжигает их.

И именно из-за этого дефекта, который заложен в самих идейных основах социал-демократии, трудящимся в Латвии не имеет смысла идти за «Согласием», не говоря уже о другой ветке латвийской социал-демократии в лице боярсовских ЛДСПшников, которые навечно впечатались в политическое банкротство.

Но, отойдя от краткого обзора ныне существующих партий, есть смысл и взглянуть на сам пролетариат – что же он представляет из себя? Как было выше подмечено – Ленин в своё время неоднократно подчёркивал, особенно – в своей работе «Что делать?», что у пролетариата есть лишь два пути – или стихийный (а вместе с этим – попадание под крылышко профсоюзных «жёлтых» боссов, а от них – прямо под крыло буржуазии), или же партийный. Методом исключения, вывод напрашивается сам – за неимением партии, пролетариат в Латвии склоняется именно к стихийщине.

Поразительно, но «обывательщина» и анархизм, при всей своей противоположности и полярности во многих аспектах, сходятся именно в организационных вопросах. Стихийный анархизм преобладает в массах, лишённых своей партии, в разное время приобретая разные формы – от нежелания объединяться и бороться в условно стабильное время, до нежелания объединяться в централизованные и мощные партийного толка

организации во время усиления катаклизмов господствующего строя. Но если обыватель и анархист воспринимают отсутствие в сегодняшних реалиях партии трудящихся как явление позитивное, то нам, марксистам-ленинцам, признавая, что такой партии действительно нет, приходится воспринимать это явление, как сугубо негативное.

Нужно ли говорить о том, что у эксплуататорского класса такая партия есть, и даже не одна – их у него сразу несколько? Нужно ли говорить о том, что на каждое факельное шествие националисты собирают такой внушительный по численности контингент, в первую очередь, благодаря элементарной дисциплине, из которой и появляется весь её мобилизационный ресурс? Нужно ли повторять уже озвученную выше мысль о том, что пока у пролетариата нет партии, над пролетариатом шефствуют партии буржуазных глашатаев – причём, в первую очередь, там же, куда он идёт защищать свои права (как пример, в тех же профсоюзах)?

В качестве заключения, исходя из всех вместе собранных в тексте фактов, можно сделать совершенно однозначный вывод – сегодня у пролетариата в Латвийской Республике партии нет. И отсутствие спроса на то, как эту партию создать – повод отнюдь не для радости, а скорее для погружения в жестокую реальность современности и выработки, выискивания методов для её создания.

Нормунд Упениекс

Оригинальная статья